

нился и в распоряжение большевиков оказались многие тысячи хлынувших с фронта солдат, они изменили тактику.

6.4.2. Октябрь. Собрание сил

28 октября А.М. Каледин объявил о непризнании Доном Совета Народных Комиссаров и принятии на себя всей полноты государственной власти в Донской области. На Кубани Рада 26 октября также объявила себя верховной властью «впредь до восстановления власти Временного правительства и порядка в России». Но от публичных высказываний в адрес СНК как Правительство, так и Атаман воздерживались. Между тем легализация власти была необходима. Не столько уже в силу тактических соображений, а по причине, ставшей вдруг реальной, перспективы вооруженного столкновения. И, прежде всего, в самом Екатеринодаре.

На Сенном базаре не без участия солдат артдивизиона был убит казачий офицер. А.П. Филимонов¹²⁴ использовал это как повод к началу решительных действий. В ночь на 1 ноября по приказу Атамана юнкерами Казачьего военного училища и 80-ю казаками Атаманского конвоя без единого выстрела был разоружён и вскоре расформирован артиллерийский дивизи-

---

полнительный комитет были избраны большевики: А.А. Рубин (заведующий комиссариатом финансов), Михайловский, П. Лосев, А.А. Яковлев (административный комиссариат), А.Е. Худанин, Рено, Усакин, левые эсеры Языков, Серадзе (комиссариат по военно-морским делам) и внепартийный социалист Кириченко.

В дальнейшем вновь избранные комиссары в сопровождении красногвардейцев приезжали к представителям «старой» власти и без особых возражений принимали у них дела. Власть в Новороссийске перешла к Совдепу «под расписку».

В Туапсе же, напротив, Совет был «завоёван» уже к 20 октября, а исполком во главе с «ленинцем» Самарским почти целиком состоял из большевиков. Более того, в руках большевиков оказался и гарнизон. Был образован ВРК, и в ночь на 2 ноября власть в городе без единого выстрела перешла к Совету.

Бескровным получился переворот и в Сочи, где в конце ноября был организован Ревком, взявший власть в свои руки 5 января 1918 г.

¹²⁴ Участвовал в разоружении и К.Л. Бардиж. Пока ещё в качестве комиссара несуществующего уже Временного правительства.

он¹²⁵. Одновременно с этим были арестованы члены Исполкома Совета большевики Елена Полуян и Марочкин. В Крае было введено военное положение. Патрули юнкеров заняли почту и телеграф.

В тот же день 1 ноября в Екатеринодаре открылся Областной съезд иногородних¹²⁶, на который Краевая Рада возлагала особые надежды. Председатель Правительства Л.Л. Быч, убедившись, что дальнейший разрыв с неказачьим населением Края может привести к непоправимым последствиям, предпринял определённые действия по сближению с неказачьим населением. Им был введён в состав Правительства «неказак» Ф.С. Леонтович, бывший городской голова Новороссийска¹²⁷. Но главное, для ведения согласительных переговоров с иногородними была создана комиссия во главе всё с тем же Бардижем. После традиционных взаимных обвинений была сформирована уже общая Комиссия под председательством Д.Е. Скобцова, которая выработала следующие предварительные условия для соглашения:

1. Население Кубани впредь до издания Учредительным Собранием вновь выработанных основных законов создаёт органы местного самоуправления, как краевые, так в отношении организующегося Юго-Востока России, *самостоятельно*.

2. Создаются *бессловные* органы местного самоуправления на демократических началах. Ценз оседлости для приобретения избирательного права – один год.

3. До вступления в силу постоянного положения о самоуправлении станичная администрация обновляется за счёт привлечения в её состав представителей от иногороднего населения, пропорционально его численности, но не более половины от общего состава.

---

¹²⁵ Солдаты были распущены по домам. Почти все офицеры, в большинстве – молодёжь последнего года выпуска Киевского Николаевского артиллерийского училища, перешли к казакам. Вскоре из них с добавлением юнкеров казачьих артиллерийских и кавалерийских училищ была сформирована Отдельная Офицерская батарея под командой капитана В. Ожаровского.

¹²⁶ Работал с 1 по 13 ноября.

¹²⁷ На предмет вхождения в Краевое правительство велись переговоры и с Н.С. Долгополовым, но закончились в итоге его отказом.

Положения Комиссии Законодательной Радой утверждены не были. Многие считали ценз оседлости сроком в один год недостаточным. И в этом была своя логика. Из-за льготной системы призыва на Кубани за годы войны скопилось огромное число полулегальных дезертиров, ничем иным с Краем не связанных. Большинство членов Рады настаивали на трёх годах оседлости, что в свою очередь не устраивало иногородних. Казаки в Комиссии попросили отложить решение этого вопроса до созыва Краевой Рады, что и было принято.

Съезд неказачьего населения оказался куда более умеренным, чем можно было ожидать. Резолюции, принятые Съездом в большинстве были эсеро-меньшевистские, либо нейтральные по отношению к Краевой Раде, либо откровенно антибольшевистские. Фракция большевиков, возглавляемая Я.В. Полуяном, пыталась направить работу Съезда в выгодное для себя русло, но своим радикализмом достигла лишь обратного¹²⁸. Лидеры иногородних, напуганные октябрьскими событиями, из двух зол выбирали меньшее. Меньшим представлялась всё же Рада, при которой они, по крайней мере, могли чувствовать себя в безопасности.

Надёжной военной силы, кроме разоружённого артдивизиона, в Екатеринодаре большевики не имели. Но рабочие большинства городских предприятий определённы были за них. На многих городских предприятиях были организованы забастовки, продолжавшиеся несколько дней. 2 ноября большевики в знак протеста против действий властей вывели на улицы несколько тысяч человек, в том числе и солдат гарнизона. У Самурских казарм стихийный митинг был разогнан юнкерами и казаками. При этом по свидетельству Н.Л. Янчевского, пять солдат и трое рабочих были ранены, а четыре человека убиты. Съездом была создана комиссия для выяснения обстоятельств

---

¹²⁸ Отношение к большевикам на Съезде иногда было откровенно враждебным. 2 ноября вышедшему к трибуне большевику М. Карякину долгое время не давали говорить. Я.В. Полуяну, предлагавшему «протестовать против разоружения артиллеристов», председатель собрания прапорщик Прокофьев крикнул:

– Товарищ Полуян, посмотрите на свои руки... Они у вас в крови!..

разоружения артдивизиона и расстрела демонстрантов, но она даже не вынесла протестную резолюцию¹²⁹.

6 ноября большевики, объединившись с левыми эсерами, меньшевиками-интернационалистами и анархистами, совершенно неожиданно для всех, в том числе и для левой части Съезда 267 голосами против 68 провели резолюцию о Краевой власти, в которой в частности говорилось:

«Созданная, таким образом, власть должна в первую очередь провести следующие меры:

- 1) немедленная передача земли в ведение земельных комитетов;
- 2) осуществление народного контроля над производством и распределением;
- 3) отмена смертной казни;
- 4) немедленно приступить к мирным переговорам;
- 5) Созыв Учредительного Собрания в назначенный срок».

Принятие такой резолюции ставило крест на достижение компромисса с казаками.

От имени Комиссии по установлению связи с Войсковой Радой слово взял М.П. Покровский:

– Вы создали соглашательскую комиссию, которой поручили договориться с Радой, чтобы краевое управление и самоуправление были созданы на демократических началах. Мы думали, что мы, невзирая на междоусобицу, достигнем намеченной цели и заведём на Кубани демократическое управление и самоуправление. Теперь же вы приняли большевистскую резолюцию, последовали за девизом: кто палку взял, тот и победит. Вы хотите захвата власти. Мы не разделяем таких стремлений, а потому слагаем свои полномочия.

Эти слова отрезвили многих. На следующий день Съезду

---

¹²⁹ Было лишь вынесено постановление, предлагающее «в спешном порядке выяснить вопрос о правильности полномочий Елены Полуян и Марочкина, как делегатов съезда и по выяснении этого вопроса принять экстренные меры к охране их личной неприкосновенности».

Вскоре и Марочкин, и Е.В. Полуян были, конечно, освобождены. Но материальная часть дивизиона перешла в распоряжение Кубанского войска, а сам он прекратил своё существование.

была представлена уже резолюция правых, которая открыто и недвусмысленно в надвигающейся катастрофе обвиняла большевиков: «...насильственный переворот, произведённый большевизмом, привёл страну к распаду и стал источником кровавых междоусобий... благодаря перевороту не может состояться в назначенное время созыв Учредительного Собрания, без утверждения которого не могут быть приняты ни земельные реформы, ни другие важнейшие законы...»

В результате переголосования резолюция была принята. В знак протеста большевики покинули Съезд. Стало очевидным, что мирным путём на Кубани, в отличие от Черноморской и Ставропольских губерний, взять власть им не удастся. Приходилось менять тактику. Екатеринодарский комитет РСДРП(б) перешёл на нелегальное положение. 5 ноября Председатель Екатеринодарского Совета И.И. Янковский сообщил о событиях в городе Петроградскому Совету рабочих и крестьянских депутатов и просил «о поддержке в борьбе с контрреволюцией». Впрочем, все понимали, что рассчитывать приходилось лишь на собственные силы.

Был сформирован подпольный ревком, ставивший своей задачей вооружённое восстание. Для связи и с целью организации отрядов будущей Красной гвардии из возвращавшихся с фронта солдат Я.В. Полуян выехал в Новороссийск, Волик и Дриц – в Ставрополь, П.И. Вишнякова¹³⁰ – в Ростов. В агитационной работе среди солдат приняли участие и некоторые чины расформированного артдивизиона. С помощью железнодорожников удалось передать несколько десятков винтовок в рабочий район Екатеринодара – Дубинку.

Заключённое с немцами перемирие увеличило поток ухо-

---

¹³⁰ Прасковья Ивановна Вишнякова, член социал-демократической партии с 1903 г., являлась профессиональной революционеркой и работала, по всей видимости, по идейным побуждениям. В 1909 году Военным судом была приговорена к двум годам каторги. В апреле 1917 г. вернулась в Екатеринодар, где заочно была избрана в Областной комитет РСДРП(б). Работала в Совете и в Центральном Бюро профсоюзов. Именно она возглавляла комиссию по переговорам с Войсковым правительством о разоружении артдивизиона. После начавшихся арестов вынуждена была переехать в Новороссийск, где вместе с Еленой Полуян вела агитацию среди прибывающих из Трапезунда солдат.

М.А. Караулов

дивших с фронта солдат многократно. Начали сниматься и части, как казачьи, так и солдатские. В этот момент от Совета¹³¹ поступило приглашение 39-й пехотной дивизии Кавказского фронта прибыть на Кубань, чтобы поддержать иногородних против казаков. В середине ноября, ещё до формального перемирия с турками, в стоявшей под Карсом дивизии большевистский комитет созвал митинг, на котором было принято решение – выдвигаться. Командующий фронтом генерал Пржевальский отдал приказ о демобилизации 39-й пехотной. Однако дивизия не подчинилась, четыре полнокровных солдатских полка с артиллерией погрузились в эшелоны и двинулись на Северный Кавказ¹³².

¹³¹ Вопрос о том, кто конкретно спровоцировал появление 39-й пехотной дивизии на Кубани остаётся открытым. Скобцов говорит о «какой-то части иногородних». Но вот что можно прочесть в изданном в 1942 г. 2-м томе «Истории гражданской войны в СССР»: «Меньшевики и эсеры также решили оказать действительную помощь кубанским контрреволюционерам и с помощью тифлисского комиссара Временного правительства вызвали 39-ю дивизию, которая расположилась на подступах к Екатеринодару...» Согласно другим источникам, обратились к командованию Кавказской армии в Тифлисе с просьбой прислать войска меньшевики из Городской думы. Но, в любом случае, не для оказания «действенной помощи» казачьему правительству, а исключительно, чтобы подкрепить свои позиции вооружённой силой.

¹³² С 10 по 25 декабря в Тифлисе проводил работу 2-й Краевой съезд Кавказской армии. В обращении к солдатам говорилось: «Съезд признал за вами право на оружие при оставлении армии для защиты родины от контрреволюционной буржуазии с её приспешниками Калединым – Донским атаманом, Дутовым – Оренбургским и Филимоновым – Кубанским. Для руководства продвижения товарищей солдат и для борьбы с контрреволюцией на Северном Кавказе, на Кубани и в Закавказье, избран съездом Краевой совет и военно-революционный комитет...»

Вы, товарищи, должны все принять участие... в установлении советской власти. Провести домой оружие вы можете, двигаясь лишь сильными отрядами всех родов оружия, с избранным командным составом... Кто не может (проездить оружие), сдавайте его советам, комитетам в Новороссийске, Туапсе, Сочи, Крымской и т. д., где есть представители советской власти...»

14 ноября Филимонов телеграфировал Каледину: «Получена телеграмма Пржевальского о самовольном движении в Ставропольскую губернию 39-й дивизии, идущей воевать с казаками. Первый эшелон прошёл Тифлис 12-го. Необходимо её задержать, если возможно, разоружить. Прошу дать полк и броневики».

На что Каледин 16 ноября отвечал: «Могу, в крайнем случае, выслать броневик. Полка дать не могу, ввиду всей обстановки». Филимонов вновь просил Донского атамана о помощи «для ликвидации 39-й дивизии». Каледин ничем помочь не мог. Вскоре он не смог наскрести и полка даже для Ростова¹³³. Что касается 39-й пехотной дивизии, то её эшелоны медленно, короткими рывками продвигались к Ставрополю, застревая тут и там на забитых намертво полустанках. Все пути были заняты покинувшими окончательно развалившийся Кавказский фронт частями. Солдаты пробивались домой, парализуя движение, оседали на станциях, рассасывались по близлежащим городам и селениям... Дорога стала. Лишь во второй половине декабря головные части дивизии достигли границ Кубани¹³⁴.

---

¹³³ Позже уже Каледин обратился к Филимонову с просьбой для создания «хотя бы видимости общеказачьего фронта» направить в Новочеркасск пластунский батальон. Но и у Кубанского атамана не было даже и надёжного батальона.

¹³⁴ С прохождением эшелонов 39-й дивизии по Ростово-Владикавказской железной дороге многие связывают гибель Атамана Терского казачьего войска генерал-майора М.А. Караулова, журналиста, историка и краеведа. Это не так. 13 декабря при следовании из Пятигорска во Владикавказ пассажирский поезд, в составе которого находился и вагон Караулова, остановился на ст. Прохладная. Большевицские газеты писали о Караулове, одном из создателей Юго-Восточного Союза, как об убеждённом реакционере. Группа солдат 108-го Уфимского полка, возвращавшихся с кавказского фронта, узнав, что в вагоне №4 находится Караулов, окружила вагон и потребовала, чтобы Атаман покинул его. Один из солдат, рядовой, призывающий товарищей опомниться, был застрелен на подножке. Остальные повторили требование, которое Атаман выполнять отказался. Завязалась перестрелка, в результате которой Караулов и сопровождающие были убиты (лишь депутат Войскового Круга Султанов был тяжело ранен и выжил). Солдаты вытащили тело Атамана из вагона и размозжили голову прикладами. На выстрелы прискакала терская казачья сотня. Трёх солдат, на которых пало подозрение, расстреляли на месте. Ещё один, некто Зотов, признанный организатором нападения, был задержан по прошествии нескольких дней в Новочеркасске. Он так громко рассказывал попутчикам, как «они застрелили в Прохладной генерала», что один из пассажиров вызвал патруль. После проведённого дознания Зотов был казнён.

Выяснилось, что ещё с лета Войсковое правительство разрабатывало планы постановки казачьих заслонов на возможном пути следования уходящих с фронта войск. Однако применить его на практике было невозможно¹³⁵. Возвращавшиеся кубанские казачьи полки, распропагандированные большевиками, а ещё больше, войной, сражаться ни с кем и ни за что не желали, выполнять чьи-либо приказы отказывались. Части в полном составе прибывали в Екатеринодар, производили окончательный расчёт за недополученное содержание, сдавали в большинстве случаев, тяжёлое вооружение, и с личным оружием расходились по станицам. Позже они без сомнений и в охотку сдавали и винтовки и шашки местной Красной гвардии¹³⁶.

Атаман А.М. Караулов и убитые вместе с ним, его брат В.М. Караулов и хорунжий Алексей Белоусов были похоронены в ограде Михаило-Архангельского собора.

¹³⁵ И не только потому, что казаки не желали конфронтации. Поразительно, но уже и в условиях надвигающейся катастрофы, многие озабочены были отнюдь не её последствиями, а исключительно своими амбициями. Вот, что пишет по этому поводу Филимонов: «В конце января 1918 года мною был разослан телеграфный циркуляр всем атаманам станиц, прилегающих к Черноморско-Кубанской железной дороге, чтобы они организовали охрану железнодорожных станций, осмотр всех прибывающих и отъезжающих в целях ареста подозрительных лиц и отображения оружия и передаче его правительственным войскам. Точность исполнения возлагалась на личную ответственность станичных атаманов и сопровождалась угрозой предания военному суду за ненадёжность.

К. Л. Бардиж, начавший формирование гайдамаков, говорил мне, что циркуляр произвел отличное действие, и все станции исправно охраняются казаками. Я приказал отдать такое же распоряжение и по линиям Владикавказской железной дороги. Через несколько дней ко мне пришёл Быч, имея очень расстроенный вид, и в официальном тоне обратился ко мне с заявлением:

Конституция всю ответственность за управление краем возлагает на правительство, и атаман сепаратных распоряжений отдавать не может. Между тем вы единолично отдаёте приказы в тоне старого режима, которые на местах производят отрицательное впечатление и могут вызвать вшышку неудовольствия среди казаков».

Комментарии излишни.

¹³⁶ Вот что писал по этому поводу Е.И. Ковтюх: «По прибытии казаков на Кубань в свои отделы и станицы началась стихийная расправа с ненавистными офицерами. Казаки судили офицеров своим судом и расправлялись с ними тут же на месте или собирали офицеров в особые группы, сажали в товарные вагоны и под усиленным конвоем, состоявшим из рядовых казаков, отправляли в Новороссийск, где привязывали им к шеям камни и топили в Чёрном море.

– На фронте мы делились с солдатами последним сухарём, – оправдывались многие. – Как же теперь мы будем с ними воевать?

Этот посыл был весьма популярен среди казаков-фронтовиков. Подавляющее большинство готово было принять любой мир при любом государственном устройстве. Октябрьский

Однако наиболее сознательная часть трудящегося казачества и крестьянства Кубани, не довольствуясь расправами с офицерами, стала готовиться к борьбе с кулачеством, помещиками и буржуазией».

Понятно, что риторика обусловлена, прежде всего, временем написания этих строк и установившейся конъюнктурой. Понятно, что если и были случаи «расправ» казаков над своими офицерами, то единичные. Нетрудно заметить, что в основе «сюжета» лежат три реальных события:

– захват 5 января офицеров-артиллеристов в Тимашевской (Эшелон с добровольцами следовал в Екатеринодар для получения артиллерийских орудий. На станции они были окружены отрядом местной Красной гвардии, сдать оружие отказались категорически и заявили, что на огонь ответят огнём. Оказавшийся в Тимашевской полковник Кубанского войска Фесько взял на себя роль посредника. Войдя в вагон с артиллеристами, он рекомендовал им сдать винтовки, так как в противном случае «были неизбежны невинные жертвы среди пассажиров-казаков, что могло взбудоражить ближайшую станцию, и тогда бы гибель офицеров была неминуема». В то же время, сдай добровольцы оружие, им, по словам Фесько, был гарантирован беспрепятственный проезд в Екатеринодар, за что полковник ручался. Едва добровольцы сдали винтовки, они были тут же арестованы и под конвоем препровождены в Новороссийск. По счастливой случайности их отправили в тюрьму, а не расстреляли сразу же. Части из них уже летом удалось присоединиться к Добровольческой армии. Остальные погибли или пропали без вести. Фесько же как ни в чём ни бывало проследовал в Екатеринодар и подтвердил слухи о происшедшем личном докладом. Председатель Правительства Быч требовал наказать полковника. Однако вскоре Фесько вошёл в группу его сторонников, и до зыскания дело не дошло);

– выдача матросам части командного состава солдатами Варнавинского полка;

– конфликт в Пашковской.

В первом случае этапированы в Новороссийск были следующие из Ростова в Екатеринодар за орудиями добровольцы. Во втором – казнены офицеры-варнавинцы, но никак не казачьи офицеры. Что касается Пашковской, то и там при активном участии помощника председателя Правительства по внутренним делам А.И. Калабухова, всех казачьих офицеров удалось целыми и невредимыми вывести из станицы.

И, тем не менее, наглядно демонстрируют, что массового выступления кубанских казаков на защиту своего Правительства ожидать не приходилось. А также не оставляют сомнения в том, что разгоравшаяся гражданская война не могла не быть бессмысленно жестокой по определению.

переворот представлялся очередной сменой власти и не более того. Тем более что большевики обещанное сразу и выполняли. Не на словах, а на деле кончали с войной. Думалось, всё так или иначе успокоится и образуется, а земли хватит на всех. Никому и в голову не приходило, что государство, каким бы оно ни было, допустит уничтожение Кубанского войска, столетиями защищавшего его рубежи.

И в результате Атаман и Войсковое правительство поставлены были перед неожиданным фактом, реальной военной силой они не располагали. Кубанский гвардейский дивизион, запасный пластунский батальон, Атаманский конвой, караульная команда, юнкера казачьего училища, черкесская сотня Туземной дивизии, в лучшем случае, несколько сот человек¹³⁷. О Кубанских конных полках и фронтовых пластунских батальонах можно было забыть. Они растворились в станицах¹³⁸.

25 ноября в Новороссийске под руководством М. Карякина и А.Е. Худанина приступила к работе Кубано-Черноморская конференция РСДРП(б), в которой приняли участие представители от большевистских групп и организаций практически всех городов и крупных станиц Кубани и Черноморья. Задача решалась одна: разработать план борьбы с Краевым правительством. Решение было принято соответствующее и вполне предсказуемое: подготовка и организация *военного* разгрома «контрреволюционных сил».

Неудивительно, что казачья верхушка стремилась теперь поскорее сблизится с представителями иногородних. 28 ноября чрезвычайная сессия Законодательной Рады постановила «для борьбы с анархией» созвать 9 декабря Краевую Раду и 12 декабря для совместной работы с Радой Областной Совет (иногородних).

¹³⁷ В Екатеринодаре была также расквартирована 233-я пехотная солдатская дружина, на которую Атаман вряд ли мог положиться.

¹³⁸ Положительным моментом было уже то, что и большевики не могли рассчитывать на казачьи строевые части. Определённые ожидания связаны были с возвращавшейся из Финляндии 5-й Кубанской дивизии, казалось, распропагандированной и готовой к решительным действиям. Однако, вернувшись на Кубань, казаки тут же разошлись по домам. Несмотря на все усилия комиссара СНК кубанского офицера Мирошниченко по прошествии нескольких дней дивизия перестала существовать.

9 декабря собралась Краевая Рада и одновременно с ней приступила к работе Вторая сессия Съезда неказачьего населения¹³⁹. Какое-то время Рада вынуждена была беспокоиться не принятием решений, а внутренними организационными вопросами. К восьми «фракциям», от каждого отдела и горской, добавилась девятая – фронтовиков¹⁴⁰. Настроены вернувшиеся с фронта казаки были весьма критически как по отношению к Краевому правительству, так и к Раде. Вся предшествующая деятельность Краевых казачьих властей, в том числе и законодательная, ставилась ими под сомнение. Любые инициативы встречались в штыки. Компромисс не находился, да его и не искали.

Дело дошло до того, что Атаман, члены Правительства и Войсковой контролёр заявили Раде о сложении своих полномочий.

– Только берите власть из наших рук вы, кубанцы, – говорил один из членов Правительства, – а не бросайте её на ветер большевистской демагогии...

Насколько всё это было рассчитанным театральным жестом с предсказуемым финалом, судить трудно. После перерыва фронтовики поднялись на эстраду, а Роговец с разрешения председателя собрания произнёс пылкую речь. В которой пояснил, что фронтовики «не так поняли», клялся, что и им дороги казачество, Кубань и Россия. Прервав речь, Роговец вдруг повернулся к фронтовикам и запел:

*– Ты, Кубань, ты наша Родина,
Вековой наш богатырь!
Многоводная, раздольная
Разлилась ты вдаль и вширь...*

---

¹³⁹ Оба представительных форума не сумели избежать раскола. В Зимнем театре заседала Рада с частью иногородних, ориентирующихся на старый, эсеровский Исполнительный комитет. В здании театра «Мон-Плезир» – большая часть иногородних с примкнувшими к ним десятью лево настроенными казаками. Решала всё, конечно, Рада.

¹⁴⁰ Это была группа уполномоченных на один из фронтовых съездов от Кубанских казачьих частей, принятая в свой состав Радой, «как представительница молодого фронтового казачества». Лидером фронтовиков был полковник Роговец.

Эта песня¹⁴¹, ставшая впоследствии гимном кубанских казаков, тогда ещё мало кому известная, произвела на зал шокирующее впечатление. Очевидцы утверждают, что старики плакали. Так или иначе, но конфликт «отцов» и «детей» на этом можно было считать исчерпанным. В дальнейшем и те, и другие вели себя по отношению друг к другу более чем предупредительно. Не в последнюю очередь и по этой причине Раде удалось воплотить в жизнь соглашение с иногородними о создании властных органов на паритетных началах. Но в то же время и недвусмысленно заявить, наконец, о своём отношении к большевикам¹⁴².

Паритет на Кубани обусловлен был теми же причинами, что и на Дону и оформлен был подобным образом. С 13 по 21 декабря на совместных заседаниях с представителями иногородних было утверждено следующее:

---

¹⁴¹ На стихи полкового священника 1-го Кавказского полка К. Образцева, написанные им в 1915 г. на Кавказском фронте. К осени 1915 г. «песня», первоначально названная автором «Плач Кубанских казаков», вместе с другими его стихотворениями была издана небольшим тиражом брошюрой в 6-8 страниц, и вскоре её уже распевали на бивуаках казаки 1-го Кавказского. В 1916 г. полк втянулся в череду длительных тяжёлых боёв. Было не до песен. Лишь много позже произведение Образцева получило широкое распространение и стало гимном кубанских казаков. Сам же отец Константин этого уже не увидел. Поведший антисоветскую агитацию, после развала фронта он был расстрелян солдатами в Тифлисе.

¹⁴² Вот что говорилось в её постановлении:

«1. Объявить во всеобщее сведение, что большевистская власть, установленная в Петрограде путём преступного насилия над Временным правительством, не признаётся Кубанской Краевой Радой, стоящей на страже завоеванной революции.

2. Что всякие распоряжения, приказы и декреты, издаваемые так называемым Советом Народных Комиссаров и его ставленниками, а равно и договоры, заключённые этим Советом, лишены обязательной для кого бы то ни было силы и заявления...

5. *Вменить в обязанность Войсковому атаману и Кубанскому Краевому правительству организовать в единении с правительством Юго-Восточного Союза военную защиту территории Кубанского Края и всех союзных областей от возможных нападений со стороны большевистских войск и вооружённых банд.*

Совершенно иную позицию заняла отколовшаяся часть Съезда иногородних. В своей резолюции от 14 декабря они признавали власть СНК и требовали немедленной передачи всей власти на Кубани Советам рабочих, казачьих, солдатских и крестьянских депутатов, избираемых прямым, всеобщим, равным, тайным голосованием.

1. Представительство в Законодательной Раде: 46 казаков, 46 иногородних, 8 горцев.
2. Представительство в Краевом правительстве: 5 казаков, 5 «неказаков», 1 горец.
3. Войсковой атаман и Председатель Правительства избираются исключительно из казаков.
4. Ценз оседлости для получения гражданских прав устанавливается сроком в 2 года.
5. На местах власть организуется следующим образом: там, где иногородних меньшинство, выборы производятся пропорционально; где же в меньшинстве казаки – в равных долях от обеих групп населения. Станичный атаман выбирается из казаков.
6. Вводятся земельные комитеты и с 14 января 1918 г. отменяется «посаженная» плата.

Всё это были вполне разумные шаги и здравые решения, но безнадежно запоздалые, и по этой причине в практическом применении малозначимые. Что могло повлечь за собой оздоровление ситуации в июле, в конце декабря положение вещей никоим образом не изменило. Главным образом потому, что как Войсковое правительство не обладало уже влиянием на возвращавшиеся с фронта Кубанские казачьи части, так и представители иногородних никоим образом не могли воздействовать на выбравших их некогда в представительные органы крестьян. Тем более, на пришлый солдатский элемент, ничьей власти, в том числе, зачастую, и собственных комитетов, не признававший.

Результаты июльского разрыва обернулись в итоге тем, чем и должны были обернуться. Казачье правительство, сделавшее ставку на одностороннее директивное решение всех проблем в свою пользу, получило в ответ ровно то же. Законодательное творчество и представительство во власти отошли далеко в сторону от жизненных реалий. Что касается Паритета, то он, как и на Дону, не прибавив правительству ни единого солдатского штыка, вряд ли хоть в малой степени поспособствовал

сплочению вокруг «паритетной» Рады казачьих шашек¹⁴³. И всё теперь решалось отнюдь не в представительных органах, а исключительно военной силой.

Раньше остальных поняли это большевики. Не являлось большим секретом и то, на кого в первую очередь они могли бы рассчитывать в неизбежной вооружённой борьбе. Кавказский фронт перестал существовать. Воинские части, захватив эшелоны, устремились на родину. Постепенно оформились два ос-

---

¹⁴³ 20 декабря Краевая Рада сформулировала свою политическую программу, затрагивающую основные вопросы общегосударственного устройства и гражданских прав населения. В частности декларировалось следующее:

– страна виделась как Российская Демократическая Федеративная Республика, единое государство «из крепко спаянных между собой федерирующих областей». Кубань – один из «равноправных её штатов»;

– воинская повинность должна была быть всеобщей, равной и обязательной для всего мужского населения России. Набор предполагалось производить по национальному и территориальному принципу. При этом подчёркивалось, что «казаки отбывают службу в казачьих частях с казачьим составом офицеров и должны отбывать службу на собственной территории». Оговаривалось также, что на казачьи формирования не могут быть возложены функции «полицейской службы». На защиту рубежей страны казачьи части могли выступить «лишь при исключительных обстоятельствах, грозящих существованию или спокойствию государства... совместно с другими войсками Российской Армии, но не иначе как с разрешения своего Войскового правительства»;

– все земли Российской Республики предполагалось бесплатно передать «трудовому населению». Но в то же время, «исходя из федеративного принципа и древне-казачьей обыкновенности... все земли Кубанского войска... как историческое достояние Кубанского войска, составляют неотъемлемую собственность Кубанского войска, и оно распоряжается ими самостоятельно и независимо... Земли крестьянские, наделные земли крестьянских товариществ и мелких собственников в пределах Кубанской области должны остаться за их владельцами в размере земельной нормы, имеющей быть установленной для Кубанской области...»

В этих декларациях – суть Паритета. И одновременно, неизбежная его обречённость. Привлечь таким способом крестьян было невозможно. Программные установки большевиков были куда привлекательнее: раздать всю землю в равных долях всем, кто её обрабатывает. Что касается столь значимой для Рады идеи федерализма, то неказачью часть населения Кубани она не затрагивала никоим образом. В то же время, казаки прекрасно понимали, если крестьянам что-то даётся, то лишь то, что предварительно отбирается у Войска. И осознание этого факта выступлению на защиту Краевого Паритетного правительства также не вдохновляло.

новых направления отхода. Одно – на Тифлис и далее на Баку и Северный Кавказ. Другое – в Трапезунд, откуда транспортные корабли развозили тысячи солдат по черноморским портам.

В Екатеринодаре 17 декабря большевики, договорившись с левыми эсерами и анархистами, «постановили начать вооружённую борьбу с Краевым правительством» и создали подпольный объединённый ревком во главе с «военным комиссаром» анархистом Тимофеевым.

На следующий день 18 декабря отколовшаяся часть Съезда иногородних, находившаяся под большевистским влиянием, избрала Кубанский Областной Совет Народных Депутатов под председательством всё того же И.И. Янковского. Совет постановил распоряжения Краевой Рады считать незаконными и созвать 20 января 1918 г. Первый Съезд Советов Кубанской области. В конце декабря Совет, посчитав, что Краевое правительство не допустит созыва Съезда Советов в Екатеринодаре, обратился за военной помощью «к расположенной в Тихорецкой 39-й дивизии и к новороссийским рабочим».

К этому времени головные эшелоны 39-й пехотной дивизии достигли границ Кубани и начали продвигаться по двум железнодорожным веткам в глубь Края. Вскоре её полки¹⁴⁴ заняли крупные железнодорожные узлы и расположились вокруг них, в частности, в Ставрополе, Кавказской, Гулькевичах, Армавире, Тихорецкой¹⁴⁵ и в районе Белой Глины, Песчанокопской и Тор-

---

¹⁴⁴ Н.Л. Янчевский говорит о трёх полках, «составляющих ядро Юго-Восточной армии», 153-м 154-м и 155-м. Видимо, имеется в виду, что большая часть 156-го Елисаветпольского полка стояла в пределах Ставрополя. По свидетельству И.Л. Хижняка позднее 153-й Бакинский и 154-й Дербентский полки, большинство солдат которых отказались от демобилизации, сохранили свои наименования и номера уже и в составе советских войск Северного Кавказа. 155-й и 156-й были вскоре расформированы, так как большая часть пехотинцев разъехалась по домам. Лишь часть солдат влилась в местные отряды Красной гвардии, которым было передано и всё вооружение.

¹⁴⁵ Узловая станция Тихорецкая имела для Краевого правительства первостепенное значение. Потеря ее, по сути, отрезала Кубань от Дона. Была предпринята удачная поначалу попытка укрепиться на станции. Черноморский конный полк, остававшийся ещё верным Правительству, под командованием полковника Бабиева выдвинулся к Тихорецкой и без единого выстрела взял её под свой контроль. Был занят вокзал, выставлены патрули.

говой. Штаб дивизии находился под охраной двух батальонов в Тихорецкой.

В начале января из Новороссийска в Трапезунд была направлена советская делегация во главе с А.А. Яковлевым. Там они развернули агитационную работу, в которой весьма преуспели. 491-й Варнавинский полк, 41-й мортирный дивизион¹⁴⁶, батарея 21-го Кавказского горного артиллерийского дивизиона и часть солдат Ивангородского полка вскоре прибыли в Новороссийск и стали ядром формируемых советских войск. К середине января в Трапезунде был создан так называемый «Комитет по организации добровольческих отрядов для борьбы с контрреволюцией». Ему было предоставлено право внеочередной перевозки, что позволило спешно переправлять

Следовавшие на Ростов солдатские эшелоны Бабиевым задерживались и пропускались далее только после сдачи оружия. Местная, только лишь оформлявшаяся Красная гвардия, не могла противостоять строевой казачьей части и оставалась пассивна. Однако вскоре из соседней станицы Архангельской к станции в полном вооружении подошли сотни 22-го казачьего пластунского батальона и потребовали, чтобы «черноморцы» оставили Тихорецкую. Бабиев отправил в Екатеринодар делегацию на Войсковую Раду. Рада незамедлительно издала ряд приказов, нацеливающих кубанские части на защиту Края. Вводилась смертная казнь, создавался верховный суд для рассмотрения дел о неповиновении распоряжений Краевого правительства и отказа от его защиты. Однако все эти меры ничего уже изменить не могли. Неповиновение стало массовым. Черноморский полк, не желая вступать в вооружённый конфликт со своей же кубанской воинской частью, вынужден был в итоге уйти со станции, на которую в скором времени прибыли эшелоны 39-й пехотной дивизии.

7 января 1918 г. Антонов-Овсеенко телеграфировал в Смольный: «...На юге три корпуса Кавказской армии... отправили против Каледина частями 39 дивизию из Владикавказа. Занята Тихорецкая...»

¹⁴⁶ Вместе с солдатами пошло и некоторое число офицеров. Вот слова командира мортирного дивизиона штабс-капитана Марина, ставшего впоследствии начальником штаба советских войск: «Я по убеждениям только кадет. У вас, у большевиков, ничего не выйдет. Но раз мортирный дивизион пошёл, а я люблю своих солдат, – я буду с ними и буду честен».

491-й Варнавинский пехотный полк начал прибывать морем в Новороссийск с 18 января 1918 г. и размещался в выделенных Советом казармах. Было устроено собрание, на котором большевики призывали полк остаться в распоряжение Совета. Солдаты разделились на две практически равных части. Одна настаивала на немедленной демобилизации и проезде на родину. Другая признала советскую власть и выразила готовность встать на её защиту. К этим подразделениям Варнавинского полка присоединились также 41-й артиллерийский дивизион и батарея 21-го Кавказского горного дивизиона.

в Новороссийск те подразделения, которые выражали готовность воевать «против Каледина и Рады».

6.4.3. Добровольческие формирования. Капитан Покровский

Всё это заставило Краевое правительство также озаботиться организацией боеспособных военных формирований. Ещё 29 ноября командующим всеми кубанскими войсками был назначен бывший начальник 5-й Кубанской дивизии генерального штаба генерал-майор К.К. Чёрный. Одновременно был сформирован Полевой штаб¹⁴⁷, функцией которого была оперативная работа. Войсковой штаб оставил за собой мобилизационные мероприятия. Тогда же полковнику С.Г. Улагаю было предложено сформировать казачий партизанский отряд, чего сделать не удалось. Вся работа сводилась на нет, ввиду отсутствия войск, как таковых. 9 января Чёрный подал в отставку. На его место заступил генерал Букретов, который уже через неделю заявил, что «ничего не выйдет», так как казаки службу нести отказываются¹⁴⁸. 17 янва-

---

¹⁴⁷ Начальником Полевого штаба назначен был генерального штаба полковник В.Г. Науменко.

¹⁴⁸ «Выбор остановился на генерале Букретове, – пишет Филимонов, – не казаку по происхождению, подолгу служившем с нашими пластунами, георгиевском кавалере. Первые шаги и первое впечатление, произведённое новым командующим армией, были очень выгодны для него. Бычу казалось, что мы, наконец, нашли то, что нам нужно. Действительно, посетив однажды ночью, в момент большой тревоги (оказавшейся преувеличенной), походный штаб армии, мы лично наблюдали Букретова за работой и были очень удовлетворены его спокойствием, находчивостью и самоуверенностью. Но ровно через неделю Букретов явился ко мне во дворец бледный, расстроенный и заявил, что он болен и нести службу далее не может. Не было и тени бодрости и молодцеватости! Внезапность такой перемены меня очень озадачила. Я сказал Букретову, что не верю в его болезнь, что прикажу его освидетельствовать и предать суду.

– Ничего из этого не выйдет. Казаки, с которыми я служил в Закавказье и на которых я главным образом рассчитывал, отказываются мне повиноваться, – безнадежно опустив голову, ответил Букретов. – Близкие мне люди советуют бросить всё это, явно безнадежное дело. Делайте со мной, что хотите, но я не в состоянии служить.

Указание на то, что для военного человека трудность положения не есть повод к отказу от службы, чем тяжелее положение, тем крепче нужно стоять на своем посту, нисколько не тронуло Букретова».